
УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Валентина Александровна Лукина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: valentina_step18@mail.ru, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9085-1065>

Гоголь и Фет: из истории «желтой тетради» и литературного юбилея поэта 1889 г.

Аннотация. Статья посвящена 50-летнему юбилею литературной деятельности А.А. Фета, который отмечался широкой общественностью в январе 1889 г. Детально рассматриваются обстоятельства, побудившие Фета выбрать в качестве исторического основания юбилея не свой печатный дебют, ознаменовавшийся выходом сборника «Лирический Пантеон» в 1840 г., а другое символическое событие: знакомство Н.В. Гоголя с так называемой «желтой тетрадью» его юношеских стихов и полученное от писателя «благословение». Особо выделяются: интенсивная работа над воспоминаниями, которая велась поэтом с лета 1887 г.; перечитывание им весной 1888 г. произведений Гоголя, прежде всего «Выбранных мест из переписки с друзьями»; аналогичные юбилеи Я. Полонского (1887 г.) и А. Майкова (1888 г.), основания которых, вопреки традиционным представлениям, имеют много общего с фетовскими. На примере эпизода с «желтой тетрадью», с опорой на ново найденные печатные и рукописные источники (в частности, неопубликованную переписку Г.П. Данилевского с Фетом и с А.С. Сувориным) вновь поднимается вопрос о генезисе последней мемуарной книги поэта «Ранние годы моей жизни» (1893 г.) и хронология работы над ней. Высказывается предположение о том, что некоторые главы книги, посвященные началу поэтической деятельности Фета, были задуманы или вчера написаны еще в предюбилейные дни.

Ключевые слова: литературный юбилей как общественно-культурное явление, мемуарная проза А. Фета, творческая история книги воспоминаний «Ранние годы моей жизни», биография Фета

Valentina Aleksandrovna Lukina

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, PhD in Russian Literature, Senior Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: valentina_step18@mail.ru

Gogol and Fet: “Yellow Notebook” and the Anniversary of the Poet’s Literary Career (1889)

Abstract. This paper examines the 50th anniversary of Afanasy Fet’s literary career (1889). The study reconstructs the context of Fet’s decision to date his anniversary from his acquaintance with Gogol, rather than from the publication of his first collection, “Lyrical Pantheon” (1840). The analysis considers several key circumstances: Fet’s intensive work on his memoirs; his engagement with Gogol’s “Selected Passages from Correspondence with Friends”; and a comparison with the anniversaries of his contemporaries, Yakov Polonsky and Apollon Maykov. The newly found correspondence of Grigoriy Danilevsky and Alexey Suvorin makes it possible to put the “yellow notebook” story into wider perspective. Other materials used in the study help to clarify the chronology of Fet’s memoirs

“Early Years of my Life” (1893). Furthermore, the paper argues that several chapters of this memoir were conceived or written long before the anniversary.

Key words: anniversary of literary career as a historical phenomenon, Afanasiy Fet’s memoirs, origin of A. Fet’s “Early Years of my Life”, biography of A. Fet, Gogol and Fet

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.092-107

В 1889 г., на протяжении двух дней 28 и 29 января, в Москве торжественно отмечалось 50-летие литературной деятельности А.А. Фета. Как известно, в печати поэт дебютировал поздней осенью 1840 г., когда увидел свет его небольшой стихотворный сборник «Лирический Пантеон», вышедший в Москве за подписью «А.Ф.». Однако не это значимое для поэта событие и, соответственно, не 1840 г. осмыслились Фетом как отправная точка творческого пути. Рождение своей Музы поэт символически относил к декабрю 1838 или январю 1839 г., неразрывно связывая его с именем Н.В. Гоголя.

Вопрос о том, что считать началом своего служения искусству, встал перед Фетом почти за год до юбилея. Не исключено, что задуматься об этом поэта невольно побудила интенсивная работа над «Моими воспоминаниями», в которую он был погружен с лета 1887 г., стараясь, по собственному признанию, «оглянуться, по возможности беспристрастно, на далекий и трудный путь» своей «долголетней жизни»¹. Хотя основное повествование в книге начинается с более позднего периода – начала 1850-х гг., ознаменовавшегося сближением с И.С. Тургеневым и петербургскими литераторами, тем не менее в ходе работы над мемуарами Фет неизбежно возвращался к размышлениям о собственном детстве и юности. К тем же мыслям его подталкивали друзья и знакомые, прежде всего Л.Н. Толстой, мнением которого поэт чрезвычайно дорожил. Так, в письме к Фету от 16 сентября 1887 г. Н.Н. Страхов вопрошал: «Писал я Вам о совете Льва Николаевича? Он думает, что в Ваших “Воспоминаниях” всего любопытнее могут быть воспоминания о Вашем детстве и о том быте, среди которого Вы росли. Вы знаете, что он вообще не ласково смотрит на литературу и литераторов. “Да это уже так избито!”, – говорил он. Живые сферы он предпочитает отвлеченным людям, каковы Тургенев и всякие писатели» [2, с. 442]. Данное обстоятельство в немалой степени затрудняет точную датировку возникновения замысла, а также начала работы над «Ранними годами моей жизни», поскольку нельзя исключать, что отдельные эпизоды, вошедшие впоследствии в состав книги, могли быть вчerne набросаны еще в пору работы над «Моими воспоминаниями». О «расплывчатых» временных границах между двумя мемуарными книгами Фета убедительно пишет Л.И. Черемиси-

¹ См.: Фет А. Из моих воспоминаний // Русский вестник. 1888. № 8. С. 3 [1].

нова, особо отмечая, что в строгом смысле слова «Мои воспоминания» начинаются «отнюдь не описанием случившегося с автором в 1853 г., а с рассказа об отдельных событиях 40-х гг.»².

Немаловажно также, что летом 1887 г., практически одновременно с работой над воспоминаниями, шла подготовка очередного (третьего) выпуска «Вечерних огней» (1888 г.), который, несомненно, осмыслился Фетом как итоговый. Недаром именно этот сборник поэт впервые снабдил развернутым предисловием, где открыто заявил о неизменности своих эстетических принципов на протяжении всех «пятидесяти лет»³. Характерно, что некоторые исследователи склонны считать третий сборник «Вечерних огней» «юбилейным», имея в виду, что он «изнаменовал приближающийся (и через год отпразднованный) полувековой «юбилей поэзии Фета»»⁴. Однако это все же не совсем так. Ни летом, ни осенью 1887 г., когда было завершено предисловие к «Вечерним огням» и книга поступила в цензуру, ни о каком «официальном» юбилее Фет еще не помышлял. Как и годом ранее, когда 27 декабря 1886 г. он писал великому князю Константину Константиновичу: «...муза моя, во все время *пятидесятилетней* деятельности, никогда не оставалась без сторонних, добрых, но нередко беспощадно придирчивых пестунов ...» (Курсив наш. – В.Л.) [6, с. 595]. Во всех приведенных случаях речь шла, скорее, о внутреннем ощущении своего литературного 50-летия, вне зависимости от привязки к какому-то конкретному знаковому событию.

Не последнюю роль в размышлениях Фета об основаниях собственного юбилея, очевидно, сыграли аналогичные торжества Я.П. Полонского и А.Н. Майкова, один за другим прогремевшие в апреле 1887 и 1888 гг. соответственно. Неслучайно накануне майковского 50-летия, с размахом отмечавшегося в Петербурге, даже Полонский, давний знакомый и товарищ Фета по Московскому университету, в письме к другу от 3 марта 1888 г. не смог сдержать искреннего недоумения: «Не понимаю, как это могло случиться, что ты позднее его (Майкова. – В.Л.) вступил на поэтическое поприще. – Помню, что, когда я впервые читал стихи твои, – о Майкове не было еще ни слуху, ни духу. – Кажется, что я и ты стали печататься в одно и то же время – но юбилей мой (прошлогодний) подошли к тому времени, когда я, еще бывши рязанским гимназистом, написал стихи по случаю приезда В_илийского К_инзя Наследника Александра Николаевича, которые без моего ведома и были напечатаны в одном из журналов, издаваемых для военно-учебных заведений» [7, с. 632].

Не один Полонский интуитивно ощущал, что юбилей Фета давно назрел. Известие о готовящихся торжествах в честь творческого 50-летия Майкова по-

² См.: Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. С. 342–343 [3].

³ См.: Фет А.А. Предисловие [к третьему выпуску «Вечерних огней】 // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5, кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 193 [4].

⁴ См.: Кошев В.А., Петрова Г.В. О поэтических сборниках Фета «Вечерние огни» // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5, кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 276 [5].

будило задаться тем же вопросом Н.Н. Страхова. Еще 20 февраля 1888 г. он спрашивал у Фета: «А Ваш (имеется в виду юбилей. – В.Л.) когда? Ведь уже, верно, скоро? Не сообщите ли Вы мне каких соображений по этому предмету?» [2, с. 452]. Показательно в данном отношении также признание старинной приятельницы Фета С.В. Энгельгардт, высказанное в письме от 2 августа того же года: «Давно и не раз я думала о Вашем юбилее и была бы очень рада, если бы мне пришлось в нем как-нибудь участвовать. Кому, коли не Вам, русские женщины обязаны поднести венок ...» [8, с. 225].

Изначально сама мысль о юбилее показалась Фету едва ли уместной, о чем он искренне заявил в письме к Полонскому от 10 марта 1888 г.: «Что же касается до моего юбилея, то я об нем и не помышляю. Это с грехом пополам возможно в Питере, но в Москве чересчур карикатурно. Здесь приличнее справлять юбилей банщика или дворника, чем поэта» [7, с. 634]. Тем не менее через пару месяцев настойчивость Полонского, вновь и вновь возвращавшегося к теме фетовского юбилея, возымела свое действие и заставила поэта дать прямой ответ на вопрос друга, прозвучавший в письме от 7 мая 1888 г.: «Вот никак не могу сообразить, когда именно – пролетит над тобой пятидесятий лебедь!» [7, с. 644].

По-видимому, как раз на излете весны 1888 г. Фет окончательно определился, от какого именно события следует отсчитывать начало его восхождения на Парнас. Самое раннее высказывание по этому поводу содержится в известном письме к Полонскому от 23 мая 1888 г.: «Что касается моего юбилея, то, как я писал на днях Н.Н. Страхову, основание к пятидесятилетнему поминанию моей музы с полным правом наступит в декабре этого года или в январе 1889 г., когда желтая тетрадь моих стихов, одобренных Гоголем, стала ходить по рукам университетских товарищней, и несколько стихотворений из нее перешли в “Лирический пантеон”, напечатанный в сороковом году» [7, с. 647]. Из приведенных слов поэта следует, что первым, кому он несколькими днями ранее сообщил об истории с Гоголем и «желтой тетрадью», стал Страхов. Однако текст этого письма, к сожалению, не сохранился или неизвестен. Несомненно одно: именно «благословение» Гоголя рассматривалось Фетом как символическое начало своего становления как поэта, а значит, и как «историческое» основание литературного юбилея.

Очевидно, идею фетовского юбилея Полонский с еще большим энтузиазмом поддержал во время их личного свидания, состоявшегося в Воробьевке 3–5 июня 1888 г. Полонский возглавлял майковский юбилейный комитет, и Фет мог узнать от своего приятеля все подробности только что прошедшего торжества, включая и те, которые не попали на страницы периодической печати. В таком контексте вполне допустимо предположение современных исследователей, согласно которому Фет «изменил свой взгляд» на необходимость проведе-

ния юбилея «под влиянием впечатления от торжеств, связанных с юбилеем литературной деятельности А.Н. Майкова»⁵, хотя эта точка зрения представляется все же несколько упрощенной.

Как воспринимать фетовский юбилей? Интерпретационный камертон в свое время задал один из первых биографов Фета Г.П. Блок в книге «Рождение поэта» (1924 г.): «После того, как сверстники Полонский и Майков торжественно спровоцировали пятидесятилетие юбилея, Фет стал подумывать о своем. Ему об этом напоминали. Он был “по-прежнему смиренный, забытый, брошенный в тени”. Годы были большие, здоровые непрочное. Соблазняла возможность при помоши юбилея осуществить беспокойные камергерские мечты. При таких условиях желание придвижнуть это празднество было вполне естественно. Те, кто привыкли содержать Фета в разряде людей “некоторых”, осудят его, должно быть, за это» [10, с. 101]. Более прямолинейно данная точка зрения выражена М.С. Макеевым в новейшей биографии «Афанасий Фет» (2020 г.): «Можно предположить, что желание Фета отпраздновать полувековой юбилей творческой деятельности было вызвано некоторой завистью или соперничеством: в 1887 и 1888 годах юбилеи отметили его соратники Полонский и Майков. Дата вступления Фета на литературную стезю была выбрана искусственно» [11, с. 394]. Встречаются и совсем уж вульгарные толкования: «Помещик Шеншин вдруг решил отпраздновать юбилей поэта Фета. Ожидать пятидесятилетия со дня выхода первой книги не хотелось, дату же пробуждения музы можно было определить произвольно, по собственному усмотрению»⁶.

Между тем очевидно, что не менее «искусственно» и «произвольно» были выбраны основания для юбилеев обоих «соратников», с которыми обычно сопоставляют поэта, – Полонского и Майкова, однако это составляет тему отдельного исследования. Заметим лишь, что до сих пор никому не приходило в голову обвинять Полонского в подтасовке даты юбилея, равно как в стяжательстве и корыстолюбии за назначение ему императором пенсии в 2500 рублей в год. Столь же абсурдными показались бы аналогичные обвинения по адресу Майкова, также удостоившегося к юбилею монаршой милости в виде удвоения пенсии и чина тайного советника.

Итак, в мае 1888 г. Фет окончательно определился со временем и обстоятельствами своего «вступления на Парнас». Вскоре последовал приезд в Воробьевку Полонского, и именно после этой долгожданной встречи мысль о юбилее и о связанный с ним надежде на получение камергерства начинает все более отчетливо звучать в письмах поэта к различным корреспондентам. Так, 23 июня 1888 г. Фет пишет о своих чаяниях великому князю Константину Константиновичу⁷, 7 июля – графу

⁵ См., например: Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. Т. 2, кн. 1 / изд. подгот.: Л.В. Гладкова, Т.Г. Никифорова, В.А. Фатеев, В.Ю. Шведов. СПб.: Пушкинский Дом, 2023. С. 574, примеч. 1 [9].

⁶ См.: Сухих И.Н. Шеншин и Фет: жизнь и стихи. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 25 [12].

⁷ См.: Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К.Р.) 1886–1892. С. 694–696.

А.В. Олсуфьеву⁸, 25 июля – С.В. Энгельгардт⁹. Предполагаемая дата юбилея – декабрь 1888 или январь 1889 г. – при этом остается неизменной.

Лишь однажды, по-видимому в переписке с Н.Н. Страховым, поднимался вопрос о возможном выборе иного символического события в качестве наиболее приемлемого обоснования юбилея. Речь шла о написанных Фетом приветственных стихах ко дню приезда в Москву Марии Александровны, высоконареченной невесты наследника престола Александра Николаевича, будущего императора Александра II. Этот эпизод зафиксирован в «Ранних годах моей жизни» и был памятен Фету еще и тем, что после долгой разлуки юный поэт неожиданно увиделся со своим дядей со стороны матери, Эрнстом Беккером, состоявшим адъютантом при родном брате великой княжны Александре Гессенской. По этому поводу Фет вспоминал: «Между прочим, вероятно из любезности ко мне и к моему дяде, Аполлон (Григорьев. – В.Л.) характеризовал меня как поэта. “Вот бы, – сказал дядя, обращаясь ко мне, – тебе следовало высказать свое дарование в приветственном стихотворении, которое я нашел бы возможным представить при посредстве принца августейшей невесте”. / Через день затем стихотворение было написано, тщательно переписано, и я ко времени завтрака отправился в Кремль в помещение дяди, который через час представил меня принцу, благосклонно принявшему мое стихотворение» [14, с. 197]. К сожалению, текст стихотворения Фета по случаю приезда в Москву Марии Александровны до сих остается неизвестным. Очевидно одно: как раз об этом эпизоде идет речь в письме Страхова поэту от 15 июля 1888 г., из которого следует, что память подвела Фета и Мария Александровна прибыла в Москву уже не в статусе невесты, а в статусе супруги Александра Николаевича: «Теперь о делах. По справке оказалось, что “Марья Александровна уже Великой Княжной и Цесаревной посетила Москву впервые в 1841 году и приехала туда с мужем 26 мая”. По всем приметам мы будем праздновать Ваш юбилей в 1890 году (Намек на год выхода «Лирического Пантеона». – В.Л.)» [2, с. 461]. Бросается в глаза сходство со стихотворением Полонского, написанным к приезду наследника в Рязань, – также, вероятно, отголосок встречи двух поэтов в Воробьевке.

Знаменательно также, что именно в мае 1888 г., когда впервые были сформулированы основания для юбилея, Фет перечитывал Гоголя. Вернее, в силу слабости зрения, ему по вечерам перечитывали произведения автора «Мертвых душ»¹⁰. Письма к целому ряду корреспондентов за весну и лето этого года пестрят высказываниями о Гоголе, порой весьма острыми и полемичными, по которым можно заключить, что среди заново прочитанных произведений были не только «Мертвые души», но и «Тарас Бульба», «Выбранные места из переписки с друзьями», а также «Старосветские помещики». Вполне обоснованным

⁸ См.: Фет А. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Сов. Россия, 1988. С. 405–406 [13].

⁹ Там же. С. 394.

¹⁰ См.: Генералова Н.П., Сорочан А.Ю., Строганов М.В., Успенская А.В., Черемисинова Л.И. Комментарии // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 3. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. С. 403 [15].

представляется предположение, согласно которому непосредственно с перечитыванием последней повести связывается, например, появление сюжета автобиографического рассказа Фета «Вне моды»¹¹, опубликованного в скором времени в первом номере «Нивы» за 1889 г. Современные комментаторы этого рассказа справедливо замечают: «Важно отметить, что Фет испытывал потребность в обращении к творчеству Гоголя в это время, в перечитывании и новом осмыслинии его»¹².

На еще один существенный аспект в связи с перечитыванием Гоголя в «предюбилейный» период впервые обратила внимание Л. Пильд. Затрагивая вопрос соотнесенности даты юбилея с хлопотами Фета о присвоении ему звания камергера, исследовательница предложила несколько иную, впрочем, также далеко не бесспорную трактовку позиции поэта, в которой многие склонны видеть лишь «болезненную экзальтированность», «непомерное тщеславие» и «гипертрофированное желание быть обласканными “высочайшими милостями”»¹³. Особого интереса заслуживает, в частности, наблюдение о прямой связи эпистолярных высказываний Фета на эту тему с чтением им в 1888 г. «Выбранных мест из переписки с друзьями», и прежде всего главы X «О лиризме наших поэтов».

Речь идет о следующем пассаже из письма Фета к великому князю Константину Константиновичу от 23 июня 1888 г.: «Только в стихийном чувстве всенародной преданности державной власти я нахожу разгадку той непосредственной связи, которую я чувствую между Вами и между прежними русскими поэтами, о которых говорит Гоголь в своей “Переписке с друзьями”. Вот, быть может, причина, почему я чую у Вас настоящую поэтическую жилку» [6, с. 695]. Стоит отметить, что Фет говорит здесь все же не о своем «желании преодолеть “изолированность” от литературной жизни», как утверждает Л. Пильд, но о самом К.Р., а также о тех четырех стихотворениях, которые великий князь ранее прислал на суд поэту и которые были непосредственно вдохновлены чтением фетовских стихов¹⁴. При этом два присланных стихотворения были посвящены членам императорской семьи; одно из них – «На балконе цветущей весною...», обращенное к императрице Марии Федоровне, – Фет оценил особо высоко.

Как справедливо отмечено М.И. Трепалиной¹⁵, в процитированном выше фрагменте Фет отсылает к той части главы X «Выбранных мест...», где автор рассуждает о двух источниках «высокого лиризма» русских поэтов: «...два предмета

¹¹ См.: Генералова Н.П., Сорочан А.Ю., Строганов М.В., Успенская А.В., Черемисинова Л.И. Комментарии // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 3. С. 404.

¹² Там же. С. 403–404.

¹³ См.: Пильд Л. Table-talk Полонского и юбилей Фета [Электронное издание] // Статьи на случай: сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Тарту: ОГИ, 2013. С. 3–4. Режим доступа: https://www.ruthenia.ru/leibov_50/Pild.pdf (дата обращения 1.09.2025) [16].

¹⁴ См.: Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К.Р.) 1886–1892. С. 689.

¹⁵ Там же. С. 697, примеч. 12.

вызывали у наших поэтов этот лиризм, близкий к библейскому» [17, с. 250]. Первым источником Гоголь считал саму Россию; вторым – «любовь к царю», при этом особо подчеркивал, что именно «поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен, наконец, сделаться весь одна любовь, и таким образом станет видно всем, почему государь есть образ божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша»¹⁶. Настаивая, что почти все крупные русские поэты, «со времен Ломоносова и Державина» и до Пушкина включительно, посвящали царям гимны и оды, придавшие нашей поэзии уникальное «величественно-царственное» звучание, писатель далее заключает: «Только тот, кто наделен мелочным остроумием, способным на одни мгновенные, легкие соображения, увидит здесь лесть и желание получить что-нибудь ...» [17, с. 251]. Несомненно, эта мысль Гоголя также не могла не найти у Фета горячего сочувствия, так как была созвучна его собственным размышлениям о державной власти и миссии поэта. Отметим попутно, что внимание Фета именно к десятой главе «Выбранных мест...» явно не носило случайный характер, о чем убедительно свидетельствует, например, его письмо к К.Р. от 30 декабря 1887 г.¹⁷ Все это заставляет нас задаться другим, не менее важным вопросом: не могло ли столь интенсивное перечитывание текстов Гоголя весной 1888 г. само по себе невольно всколыхнуть в памяти университетские воспоминания о давнем эпизоде с «желтой тетрадью»?

— Я вашу тетрадку, почтеннейший, передам Гоголю, — сказал Погодин, — он в этом случае лучший судья.

¹⁶ См.: Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 251, 255 [17].

¹⁷ См.: Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К.Р.) 1886–1892. С. 658.

Через неделю я получил от Погодина тетрадку обратно со словами: “Гоголь сказал, это несомненное дарование”» [14, с. 141].

Нельзя не заметить, что в эпизоде с Гоголем мемуарист нигде не указывает точного времени, когда происходило то или иное событие. Это отражало сознательную авторскую установку, сформулированную Фетом еще в самом начале «Моих воспоминаний» (1890 г.): «Находясь, можно сказать, в природной вражде с хронологией, я буду выставлять годы событий только для соблюдения известной последовательности, нимало не отвечая за точность указаний, в которых руководствуюсь более соображением, чем памятью» [18, с. 1]. Сопоставив рассказ из «Ранних годов...» со сведениями из упоминавшегося выше письма поэта Поплонскому от 23 мая 1888 г., еще Г.П. Блок обратил внимание на то, что история с «желтой тетрадью» не могла произойти в декабре 1838 или январе 1839 г., так как в указанный период Гоголя в России не было: с весны 1837 г. писатель находился за границей и лишь 26 сентября 1839 г. вместе с Погодиным вернулся в Москву. Блок был также первым, кто предложил три временных промежутка, когда стихи Фета могли быть показаны Гоголю¹⁸. Впоследствии они лишь незначительно были скорректированы гоголеведами¹⁹: между 26 сентября и 26 октября 1839 г. (т.е. до отъезда Гоголя в Петербург); между 21 декабря 1839 г. и 11 января 1840 г. (т.е. до отъезда Погодина в Петербург); и наконец, между 19–20 февраля и 18 мая 1840 г., когда Гоголь вновь уехал за границу. Сам Блок наиболее правдоподобным считал второе предположение, руководствуясь тем, что «год забывается легко – время года, особенно такое характерное (Рождество, Новый год), запоминается лучше, и тут Фет едва ли впал в ошибку. Даты он перемешивал неизменно, но обстановку событий хранил в памяти твердо»²⁰. Точка зрения Блока утвердилась среди фетоведов как основная. Не затрагивая вопрос о датировке эпизода с Гоголем и «желтой тетрадью», отметим главное: в достоверности рассказа Фета сомневаться не приходится.

До сих пор считалось, что эпизод с «желтой тетрадью» впервые появился в печати именно в составе второй мемуарной книги Фета. Так, например, указанный эпизод отсутствует в биографическом очерке о Фете, который помещен во всех трех изданиях хрестоматии Н.В. Гербеля «Русские поэты в биографиях и образцах», вышедших к 1889 г.²¹

Между тем 21 января 1889 г., в преддверии юбилея, на страницах петербургского «Нового времени» вышел анонимный биографический очерк о поэте, в котором фигурирует не только эпизод с Гоголем, но и другие подробности, до

¹⁸ См.: Блок Г. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. С. 100.

¹⁹ См.: Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя: в 7 т. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 434 [19].

²⁰ См.: Блок Г. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. С. 100.

²¹ См., например: Русские поэты в биографиях и образцах / сост. Н.В. Гербель. СПб., 1873. С. 507–509 [20].

того времени в печати неизвестные: «...в 1838 году, поступив из приготовительного заведения М.П. Погодина в университет, Аф. Аф. Фет, – по приглашению одного из товарищей, известного впоследствии переводчика с английского И.И. Введенского, – написал стихотворную сатирическую сатиру на соперника Введенского. Последний, прочитав сатирическую сатиру, с обычной своей безапелляционной резкостью, сказал 18-тилетнему юноше, что он поэт и ему следует писать. Это слово было искрою, упавшей на горючий материал. Плодами первых вспышек оказались стихотворения, собранные в так называвшуюся “желтую тетрадь”, ходившую по рукам словесников первого курса, среди которых она заслужила в некоторой степени одобрение. Тем не менее, не доверяя такому суду, Афанасий Афанасьевич представил тетрадь своему бывшему наставнику М.П. Погодину, который обещал передать ее проживавшему у него Гоголю и затем сообщить суждение последнего. Можно себе представить восторг юного стихотворца, когда Гоголь возвратил, в январе 1839 года, тетрадь со словами: “это несомненное дарование”» [21, с. 3].

Нетрудно заметить, что приведенный фрагмент из «Нового времени» полностью перекликается с содержанием главы XVI «Ранних годов моей жизни». Полностью совпадает и ставший хрестоматийным гоголевский вердикт, вынесенный по прочтении фетовской «желтой тетради»: «это несомненное дарование».

Газетный очерк содержит в себе еще один эпизод из детства поэта, который также зафиксирован только в книге воспоминаний: «Еще шести- или семилетним мальчиком Афанасий Афанасьевич, по ночам, бегал в смежную с детской спальню матери и, не зная сам грамоте, просил ее записывать стихотворные свои переводы немецких детских басен». Именно в «Ранних годах...», в главе II, Фет практически слово в слово повторяет этот рассказ, а также приводит пример одной из первых переведенных им басен, коей оказалась *Die Biene und die Taube* И.Б. Михаэлиса²².

Не менее примечательно, что с рассказа о «желтой тетради» и Гоголе начинаются также и другие юбилейные очерки, помещенные в московских газетах в 1889 г.²³ Все эти публикации, правда, вышли неделей позднее, в первый юбилейный день 28 января, и, по-видимому, напрямую восходят к очерку «Нового времени» или же имеют общий с ним источник. Возникает закономерный вопрос: откуда анонимному автору «Нового времени» стали известны подробности о детстве и юности Фета? Не подлежит сомнению, что они могли быть получены только от самого поэта. Можно предположить, что эти сведения были доставлены в газету Н.Н. Страховым, который был в курсе не только истории с Гоголем

²² См.: Лукина В.А. О первом переводе Фета // Материалы Междунар. науч. конф. «Стихи имеют свои права...». СПб.: Росток, 2020. С. 75–79 [22].

²³ См.: [Б. п.] А.А. Фет (по поводу пятидесятилетия его литературной деятельности) // Новости дня. 1889, 28 янв. № 1999. С. 2 [23]; З. А.А. Фет. 1839–1889 // Московские ведомости. 1889, 28 янв. № 28. С. 3 [24] (в сильно сокращенном виде).

и «желтой тетрадью» (достаточно вспомнить об утраченном письме Фета, отправленном в 20-х числах мая 1888 г.), но также внимательно следил за продвижением работы поэта над воспоминаниями. Он же устраивал и публикацию «Моих воспоминаний» в «Русском вестнике». Доподлинно известно, что Страхов печатался в «Новом времени». Неделей спустя, 28 января 1889 г., в газете появилась его статья под заглавием «Юбилей поэзии Фета»²⁴, написанная по инициативе графини С.А. Толстой²⁵. Статья вышла за подпись «Н. Страхов» и не содержала никаких биографических подробностей, однако это не противоречит высказанному нами предположению, так как все необходимые сведения уже были ранее сообщены читателям «Нового времени» в анонимном очерке.

Существовал и еще один канал, через который уникальные биографические сведения могли попасть на страницы «Нового времени». На это косвенно указывают обстоятельства, связанные с публикацией в газете заметки о несчастном случае, который 1 января 1889 г. произошел с супругой Фета, Марьей Петровной. Уже 9 января «Новое время» известило своих читателей: «А.А. Фет (Шеншин), как нам сообщают из Москвы, сильно простудился и не мог в первый день нового года выехать на семейный обед (к Д.П. Боткину. – В.Л.), с которого его жена вечером того же дня возвратилась с левою рукою, переломленною наехавшим на ее сани извозчиком. К 28-му января, к пятидесятилетнему юбилею лирической музы А.А. Фета, его ждали в Петербург; теперь вряд ли он приедет сюда. В последнее время он трудился над подстрочным переводом остроумнейшего из римских писателей – Марциала. Ему теперь 69-й год (родился 23-го ноября 1820 г.)»²⁶.

Обстоятельства появления данной заметки на страницах суворинской газеты раскрывает письмо Г.П. Данилевского Фету от 10 января 1889 г., из которого следует, что именно редактор «Правительственного вестника» стал инициатором ее появления в «Новом времени»: «Я сообщил известия из Вашего письма Суворину, и он вчера довел их до сведения миллионов Ваших почитателей, через “Новое время”. Россия так мало знает (сравнительно с чужими краями, живущими душа в душу с своими поэтами) о родных бардах, что всякая весть о них должна быть дорога читателям» (РГБ. Ф. 315. К. 7. № 48. Л. 7–7 об.). Сохранилась и соответствующая немногословная записка Данилевского от 8 января 1889 г., адресованная А.С. Суворину: «Посылаю Вам, Алексей Сергеич, выдержку из письма Фета ко мне, только что мною полученного» (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 1154. Л. 232). Очевидно, именно эта выдержка (текст ее утрачен) легла в основу заметки о Фете, которую издатель «Нового времени» немедля пустил в печать.

Из обширной переписки Суворина и Данилевского становится известно, что подобная практика была в ходу и что Данилевский нередко представлял «Новому времени» материалы, которые по разным причинам не

²⁴ См.: Страхов Н. Юбилей поэзии Фета // Новое время. 1889, 28 янв. № 4640. С. 2 [25].

²⁵ См.: Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. Т. 2. С. 573–574.

²⁶ Новое время. 1889. 9 янв. № 4621. С. 3.

могли быть напечатаны в официальном «Правительственном вестнике». Особую важность в этом отношении приобретает следующий фрагмент из уже упоминавшегося письма Данилевского Фету от 10 января 1889 г.: «...в ожидании Вашего юбилея, прошу Вас прислать мне заранее краткие указания, где именно напечатаны более полные сведения о Вашей биографии, и, если найдете возможным, дополните их в письме указанием на последние, изданные, Ваши труды, в том числе на издания Ваших переводов. Я напечатаю перед юбилеем Вашим статью о Вашей жизни и о Вашей поэзии в “Правительственном вестнике” – весьма скромно на подобные обозрения. Но Вы – тот же генерал-адъютант, адмирал и действительный тайный советник в родной поэзии у Государя, как и другие его слуги – в армии, флоте и на гражданской службе» (РГБ. Ф. 315. К. 7. № 48. Л. 7 об.).

Ответное письмо Фета неизвестно. Тем не менее не приходится сомневаться, что оно было в скором времени отправлено и содержало, среди прочего, биографическую заметку, выписанную, по распоряжению поэта, из хрестоматии Гербеля личным секретарем поэта Е.В. Федоровой. Именно эта заметка, по-видимому, легла в основу пространной юбилейной статьи Данилевского о Фете, вышедшей в «Правительственном вестнике» 26 января 1889 г.²⁷, прежде всего той ее части, в которой сообщались основные вехи жизни поэта. Рукопись заметки с пометой «Из Гербеля», внесенной рукой Данилевского, хранится ныне в фонде поэта в ОР РГБ (Ф. 315. К. 14. № 38). Попытка ознакомиться с ней оказалась, к сожалению, неудачной, так как при нашем запросе указанной единицы хранения не оказалось на месте.

Еще одним источником, на который опирался Данилевский при общей характеристике поэзии Фета, послужила статья-рецензия А.П. Милюкова, ранее напечатанная в «Правительственном вестнике». Статья эта была помещена в газете еще в 1886 г., причем без указания имени автора (в соответствии с тогдашним газетным обычаем, согласно которому рецензии помещались без подписи)²⁸. Авторство раскрыл сам Данилевский, прямо назвав имя Милюкова в тексте юбилейной статьи о Фете 1889 г.

Вместе с тем в статье Данилевского обнаруживаются сведения, которых не было ни в одном из имевшихся в его распоряжении источников. Так, характеризуя начало литературной деятельности поэта, автор неожиданно заметил: «В 1839 году, т.е. когда ему не было девятнадцати лет, он уже выпустил в свет небольшой сборник своих стихотворений под заглавием “Лирический Пантеон. А. Ф.”, 1840» [26, с. 2]. К приведенному фрагменту было сделано особое примечание, где Данилевский предусмотрительно пояснял: «Этот сборник был издан в 1839 году, но помечен – 1840 годом» [26, с. 2]. Установлено, однако, что цензурное

²⁷ См.: [Данилевский Г.П.] А.А. Фет–Шеншин (по поводу пятидесятилетия его литературной деятельности) // Правительственный вестник. 1889, 26 янв. № 21. С. 2–3 [26].

²⁸ См.: [Милюков А.П.] Сочинения и переводы А. Фета // Правительственный вестник. 1886, 19 февр. № 41. С. 2; 20 февр. № 42. С. 2 [27].

разрешение на «Лирический Пантеон» было выдано только 20 сентября 1840 г., а из печати сборник вышел уже во второй половине ноября. Аналогичные данные приведены во всех изданиях хрестоматии Гербеля. Откуда же Данилевский мог почерпнуть свои сведения? Ответ на этот вопрос находим в том же очерке «Нового времени» от 21 января 1889 г., где после эпизода с «желтой тетрадью» и Гоголем следовало продолжение: «В том же году (т.е. в 1839-м. – В.Л.) тетрадь эта сдана была в типографию Селивановского, а в конце года поступила в продажу, под именем “Лирический Пантеон” – А. Ф. Таким образом, первое издание стихотворений Афанасия Афанасьевича Фета вышло в Москве … в 1839 году, под заглавием: “Лирический Пантеон” – А. Ф., но с пометкою 1840 годом» [20, с. 3].

Хотя сам эпизод с «желтой тетрадью» и Гоголем в «Правительственном вестнике» отсутствует, отголосок его можно усмотреть в характеристике «Лирического Пантеона», о котором сказано следующее: «Эти первые опыты, несмотря на строгость тогдашней критики, были встречены весьма сочтвенно, и у юного автора было признано присутствие *несомненного дарования*» (Курсив наш. – В.Л.) [26, с. 2]. Можно предположить, что, откликаясь на просьбу Данилевского, Фет действительно сообщил редактору «Правительственного вестника» дополнительные подробности о своем детстве и юности, а тот, в свою очередь, передал их затем Суворину для помещения в «Новом времени», как это уже произошло однажды с заметкой от 8 января 1889 г.

Как бы то ни было, содержание биографического очерка, напечатанного в «Новом времени» в предыубийственные дни, еще раз возвращает нас к проблеме, уже затронутой в начале статьи, а именно к вопросу о хронологии работы Фета над последней книгой воспоминаний. За исходную точку, как правило, условно принимается время, когда началось печатание «Моих воспоминаний», т.е. конец 1889 – начало 1890 г.²⁹ Вместе с тем очевидно, что отдельные фрагменты, вошедшие впоследствии в состав «Ранних годов моей жизни», задумывались и создавались Фетом, по крайней мере вчера, задолго до этого времени. Одним из них и был памятный эпизод с «желтой тетрадью».

Список литературы

1. Фет А. Из моих воспоминаний // Русский вестник. 1888. Т. 197, № 8. С. 3–56.
2. Переписка с Н.Н. Страховым (1877–1892) / вступ. ст., публ. и comment. Н.П. Генераловой // Лит. наследство. 2011. Т. 103, кн. 2. С. 233–547.
3. Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. 376 с.
4. Фет А.А. Предисловие [к третьему выпуску «Вечерних огней»] // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. Т. 5, кн. 1. С. 193–196.
5. Кошелев В.А., Петрова Г.В. О поэтических сборниках Фета «Вечерние огни» // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5, кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 264–286.
6. Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К. Р.) 1886–1892 / публ. и comment. Ю.П. Благоволиной и М.И. Трепалиной // Лит. наследство. 2011. Т. 103, кн. 2. С. 551–978.

²⁹ См.: Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета. С. 337.

7. Переписка с Я.П. Полонским. 1846–1892 / публ. и коммент. Т.Г. Динесман и М.И. Трепалиной // Лит. наследство. 2008. Т. 103, кн. 1. С. 541–986.
8. «...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету) / публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск: КГПУ, 1994. С. 174–234.
9. Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. Т. 2., кн. 1 / изд. подгот.: Л.В. Гладкова, Т.Г. Никифорова, В.А. Фатеев, В.Ю. Шведов. СПб.: Пушкинский Дом, 2023. 667 с.
10. Блок Г. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л.: Время, 1924. 112 с.
11. Макеев М.С. Афанасий Фет. М.: Молодая гвардия, 2020. 443 с.
12. Сухих И.Н. Шеншин и Фет: жизнь и стихи. СПб.: СПбГУ, 2009. 51 с.
13. Фет А. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.
14. Фет А. Ранние годы моей жизни. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1893. 548+VI с.
15. Генералова Н.П., Сорочан А.Ю., Строганов М.В., Успенская А.В., Черемисинова Л.И. Комментарии // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 3. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. С. 329–516.
16. Пильд Л. Table-talk Полонского и юбилей Фета [Электронный ресурс] // Статьи на слушай: сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Тарту: ОГИ, 2013. Режим доступа: https://www.ruthenia.ru/leibov_50/Pild.pdf (дата обращения 1.09.2025).
17. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 213–418.
18. Фет А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. Ч. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. 452 с.
19. Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя: в 7 т. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 672 с.
20. Русские поэты в биографиях и образцах / сост. Н.В. Гербель. СПб., 1873. 656+VIII с.
21. [Б. п.] А.А. Фет // Новое время. 1889, 21 янв. № 4633. С. 3.
22. Лукина В.А. О первом переводе Фета // Материалы Междунар. науч. конф. «Стихи имеют свои права...». СПб.: Росток, 2020. С. 75–79.
23. [Б. п.] А.А. Фет (по поводу пятидесятилетия его литературной деятельности) // Новости дня. 1889, 28 янв. № 1999. С. 2.
24. З. А.А. Фет. 1839–1889 // Московские ведомости. 1889, 28 янв. № 28. С. 3.
25. Страхов Н. Юбилей поэзии Фета // Новое время. 1889, 28 янв. № 4640. С. 2.
26. [Данилевский Г.П.] А.А. Фет–Шеншин (По поводу пятидесятилетия его литературной деятельности) // Правительственный вестник. 1889. 26 янв. № 21. С. 2–3.
27. [Милюков А.П.] Сочинения и переводы А. Фета // Правительственный вестник. 1886, 19 февр. № 41. С. 2; 20 февр. № 42. С. 2.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 3* [Collected Writings and Letters in 20 vols., vol. 3]. Saint-Petersburg: Folio-Press, 2006. 518 p.
2. Fet, A.A. *Predislovie* (к третьему выпуску «Vechernikh ogney») [Preface (to the third issue of “Evening Lights”)], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 5, kn. 1* [Collected Writings and Letters in 20 vols., vol. 5, book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014. 695 p.
3. Fet, A. *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Selected Poems, Prose & Letters]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1988. 464 p.
4. Gladkova, L.V., Nikiforova, T.G., Fateev, V.A., Shvedov, V.Yu. *Perepiska L.N. Tolstogo i N.N. Strakhova (1870–1896) v 2 t., t. 2, kn. 1* [The correspondence of L. Tolstoy and N. Strakhov (1870–1896) in 2 vols., vol. 2, book 1]. Saint-Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2023. 667 p.

5. Gogol', N.V. Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami [Selected Passages from Correspondence with Friends], in Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 t., t. 8* [Complete Writings in 14 vols., vol. 8]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952. 815 p.

Individual Works

6. Fet, A. Iz moikh vospominaniy [Fragments from "My reminiscences"], in *Russkiy vestnik*, 1888, vol. 197, no. 8, pp. 3–56.
7. Fet, A. *Moi vospominaniya. 1848–1889 v 2 ch., ch. 1* [My reminiscences. 1848–1889 in 2 part, part 2]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K°, 1890. 452 p.
8. Fet, A. *Rannie gody moey zhizni* [Early Years of my Life]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova, 1893. 548+VI p.
9. Gerbel', N.V. (ed.). *Russkie poety v biografiyakh i obraztsakh* [Russian Poets: Biographical Anthology]. Saint-Petersburg, 1873. 656+VIII p.
10. [Danilevskiy, G.P.] A.A. Fet–Shenshin (Po povodu pyatidesyatletiya ego literaturnoy deyatel'nosti) [A. Fet–Shenshin: The 50th anniversary of his literary career], in *Pravitel'stvennyy vestnik*, 1889, 26 Jan., no. 21, pp. 2–3.
11. [Milyukov, A.P.] Sochineniya i perevody A. Feta [Writings and Translations by A. Fet], in *Pravitel'stvennyy vestnik*, 1886, 19 Feb., no. 41, p. 2; 20 Feb., no. 42, p. 2.
12. [S. a.] A.A. Fet, in *Novoe vremya*, 1889, 21 Jan., no. 4633, p. 3.
13. [S. a.] A.A. Fet (Po povodu pyatidesyatletiya ego literaturnoy deyatel'nosti) [A. Fet: The 50th anniversary of his literary career], in *Novosti dnya*, 1889, 28 Jan., no. 1999, p. 2.
14. Strakhov, N. Yubiley poezii Feta [The anniversary of Fet's poetry], in *Novoe vremya*, 1889, 28 Jan., no. 4640, p. 2.
15. Z. A.A. Fet. 1839–1889, in *Moskovskie vedomosti*, 1889, 28 Jan., no. 28, p. 3.

(Articles from Scientific Journals)

16. Dinesman, T.G., Trepalina, M.I. Perepiska s Ya.P. Polonskim. 1846–1892 [The correspondence of A. Fet and Ya.P. Polonsky. 1846–1892], in *Literaturnoe nasledstvo*, 2008, vol. 103, book 1, pp. 541–986.
17. Generalova, N.P. Perepiska s N.N. Strakhovym (1877–1892) [The correspondence of A. Fet and N.N. Strakhov], in *Literaturnoe nasledstvo*, 2011, vol. 103, book 2, pp. 233–547.
18. Trepalina, M.I., Blagovolina, Yu.P. Perepiska s velikim knyazem Konstantinom Konstantinovichem (K.R.) 1886–1892 [The correspondence of A. Fet and Great Prince Konstantin Konstantinovich (K.R.)], in *Literaturnoe nasledstvo*, 2011, vol. 103, book 2, pp. 551–978.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

19. Generalova, N.P. «...Ya tak davno privyk k vashim druzheskim pis'mam...» (34 pis'ma S.V. Engel'gardt k A.A. Fetu) [“...I have long since become habituated to your intimate letters...” (The correspondence of S.V. Engelgardt and A.A. Fet in 34 letters)], in *A.A. Fet: Problemy izucheniya zhizni i tvorchestva* [A. Fet: A Study on his Life and Writings]. Kursk: KGPU, 1994, pp. 174–234.
20. Koshelev, V.A., Petrova, G.V. O poeticheskikh sbornikakh Feta «Vechernie ognii» [Reflections on Fet's “Evening Lights”], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 5, kn. 1* [Collected Writings and Letters in 20 vols., vol. 5, book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014, pp. 264–286.
21. Lukina, V.A. O pervom perevode Feta [Fet and his first translation from the German], in *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Stikhi imeyut svoi prava...»* [International Conference in memoriam of A. Fet]. Saint-Petersburg: Rostok, 2020, pp. 75–79.

(Monographs)

22. Blok, G. *Rozhdenie poeta: Povest' o molodosti Feta. Po neopublikovannym materialam* [The Birth of a Poet. A. A. Fet in his childhood: A Study based on archival materials]. Leningrad: Vremya, 1924. 112 p.
23. Cheremisinova, L.I. *Proza A.A. Feta* [A. Fet as a Prose Writer]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2008. 376 p.
24. Makeev, M.S. *Afanasiy Fet* [The biography of Afanasiy Fet]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2020. 443 p.
25. Sukhikh, I.N. *Shenshin i Fet: zhizn' i stikhi* [Shenshin and Fet: Life and Poems]. Saint-Petersburg: SPbGU, 2009. 51 p.
26. Vinogradov, I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolya v 7 t., t. 3* [N. Gogol's Life and Works, in 7 vols., vol. 3]. Moscow: IMLI RAN, 2017. 672 p.

(Electronic Resources)

27. Pil'd, L. Table-talk Polonskogo i yubiley Feta [Polonsky's table-talk and the anniversary of Fet's literary career], in *Stat'i na sluchay: sbornik k 50-letiyu R.G. Leybova* [Occasional Papers: A Festschrift for R.G. Leybov]. Tartu: OGI, 2013. Available at: https://www.ruthenia.ru/leibov_50/Pild.pdf [Date of access: 1.09.2025].